

Глава первая

Вечерело. За окнами в домах зажигались первые тёплые огни. На стуле в кабинете следователя Виталия Николаевича Лебедева сидела, недовольно поджав губы, его давняя приятельница Яна Карловна Цветкова и отрицательно качала головой.

— Нет, Виталий, даже не проси...

Следователь отложил папку с документами, которые пытался просматривать, и недовольно сказал:

— Ну, а ты, моя дорогая, сколько раз обращалась ко мне за помощью, и я ведь ни разу тебе не отказал.

Яна недобро прищурилась.

— Ты не отказывал, но всегда меня отчитывал. И такая я была у тебя, и всякая...

Цветкова отличалась удивительной способностью влипнуть в самые невообразимые истории, из которых выкручиваться ей всегда помогал ее друг полковник Лебедев.



Матвоня Луцацэва

— Но ведь я тебе всегда помогал, а ты...

— Помогал... — прервала его Яна. — Куда же я без тебя? Хочешь сказать, что пришла моя очередь помогать тебе? — спросила она.

— Замуж ты за меня отказалась выходить, — напомнил Виталий.

— И правильно сделала, хоть дружбу нашу сохранила. Я не знаю, что тебе ответить. Глупая ситуация.

— Ты не знаешь мою маму. Для нее вопрос брака — это очень серьезно. Она объявила мне, что не умрет счастливой, пока я не обрету семью.

— Так женись! — не поняла Яна, накручивая длинные, абсолютно белые волосы на палец.

— Не хами! Ты знаешь, что это не мое.

— А со мной что тогда было? — удивилась Яна.

— С тобой случай особый, — смутился Виталий Николаевич, — а так я далёк от мыслей о женитьбе. Но когда мать наседала, я много раз упоминал тебя. И она затвердила твое имя, как название любимого печенья. Моя мама — очень проницательная женщина, и если я предъявлю ей какую-нибудь другую девушку в качестве своей будущей жены, она ни за что не поверит. Она — мать сыщика, и это звание несет гордо и со страданием.

— Хочешь сказать, что если ты сообщишь ей, буд-то я твоя невеста, она поверит? — спросила Цветкова.

— Вот тебе, Яна, точно поверит! И имя на слуху, да и актриса ты очень хорошая! — заверил ее Виталий Николаевич.



Цветкова окинула своего приятеля оценивающим взглядом.

Лебедев был мужчина среднего роста и среднего телосложения, с приятным, мужественным лицом, карими глазами с прищуром, с густыми, вьющимися темными волосами. Правда, сейчас они уже были подёрнуты сединой. Отличительной особенностью Виталия был его внешний вид, вернее, то, как и во что он одевался. Какие-то дико старомодные, не подходящие по размеру, мятые и всегда в пятнах костюмы. Они все были словно с чужого плеча и размера на четыре больше, чем нужно. Всегда на нем были мешковатого вида брюки и пиджак со спущенными плечами чуть ли не на уровне локтя. Яна недоумевала: где Виталий берет такую одежду? Ну, явно не в магазине! В магазинах одежды кроме этого незадачливого покупателя присутствуют вполне вменяемые продавщицы, которые дорожат своим рабочим местом и борются за звание лучшей работницы месяца. Костюмы Виталия оставались загадкой века. Рубашек у Лебедева было огромное количество, но он вряд ли их гладил. Рубашки также были жутко старомодными и по цвету, и по крою, и по форме воротничка, словно их пошили в шестидесятых годах прошлого века. Складывалось впечатление, что он где-то ограбил склад старой лежалой одежды.

Обувь тоже была под стать. Обязательно пыльные, вроде когда-то дорогие, но безумно стоптанные ботинки, давно потерявшие и цвет, и форму. Естествен-



но, Виталий уверял, что они очень удобные, что его нога просто срослась с ними, а удобная обувь для следователя — уже залог успеха половины дела.

И еще старомодная стрижка и часто небритое лицо. Причем сразу было ясно, что это не модная лёгкая небритость, создаваемая специальной насадкой на дорогом триммере, а общее наплевательское отношение к себе. Одного взгляда было достаточно, чтобы любая женщина поняла, что перед ней холостой неухоженный мужик, который просто забыл побриться одноразовым станком и вот уже несколько дней не вспоминал об этом.

Но была и приятная черта. Виталий был очень чистоплотным и обожал дорогой мужской парфюм. Это его во многом оправдывало.

Коллеги подсмеивались над ним, но называли русским Коломбо. В следственном деле Лебедев был дока.

— Ты забыл, что я врач-стоматолог? Ты эти свои... эротические видения оставь в покое. Нашел актрису! — возмутилась Яна.

— Генетика, — не согласился Виталий Николаевич, намекая на то, что мать Яны, Валентина Петровна, всю жизнь служила ведущей актрисой в Театре юного зрителя провинциального театра.

— И что я должна делать? Конкретнее, — спросила Яна, понимая, что он от нее не отстанет.

— Мама объявила, что тяжело болеет и ей уже недолго осталось... Я не хочу, конечно, об этом думать. Но чтобы она уже успокоилась за меня... А я для ма-



мочки — острый, неулаженный в этой жизни вопрос. Мы приедем к мамочке вместе, ты с ней познакомишься, попьём чайку — и всё. Я твой должник!.. — уговаривал ее Виталий Николаевич.

— И когда ты планируешь меня представить своей родительнице?

— Когда тебе будет удобно. Мама сейчас в Сочи.

— Вот как? О, нет! Только не туда! У меня что-то не очень хорошие впечатления от этого города. Вроде курорт, едешь отдыхать, развлекаться, а у меня там какой-то треш получается. Я уже боюсь услышать название города — Сочи!.. — поёжилась Цветкова.

— Это потому, что ты ездила без меня, а со мной всё будет спокойно и хорошо, — заверил ее Виталий Николаевич.

— Ну почему представлять нас друг другу надо обязательно в Сочи? Что за спешка? Может, подождать, когда она вернётся? — капризничала Яна.

— Мама находится там на лечении.

— Лечится от чего? — уточнила Яна.

— От старости, — вздохнул Виталий. — Пансионат для пожилых.

— Постой-ка! Ты свою мать сдал в богадельню? В дом для престарелых? — Большие голубые глаза Яны вспыхнули недовольством.

— Не нагнетай! Во-первых, это было ее решение. Во-вторых, это очень дорогой и хороший пансионат. Морские купания, свежие фрукты, медицинский



Матюша Луганцева

уход, приятная компания. Дома она страдала от одиночества и тоски, а там у нее полно друзей. Мы разговариваем с ней по скайпу каждый день. Как только у меня выдаются свободные дни, я навещаю ее.

— И всё-таки ей с тобой было бы лучше, — возразила Цветкова. — Если бы ты был нормальный сын, то мать не ушла бы в дом престарелых.

— Я ни в чем ей не отказывал! Я всегда приглашал ее жить ко мне...

— Ну, да! Несмотря на твою любовь к чистоте, в твоей холостяцкой берлоге, наверное, грязные носки разбросаны по всем углам, можно их собирать в новогодние гирлянды! Не так ли?

Лебедев неуверенно пожал плечами. А Яна продолжала:

— Ухаживать за тобой. Гладить, стирать и убирать, и это человеку в возрасте. Да еще терпеть твой характер и обострения язвы, которые ты лечишь только водкой.

Виталий Николаевич удивленно поднял брови.

— Ты знакома с Лидией Васильевной? С моей мамой?

— Не имела чести, — ответила Яна.

— Так откуда же ты знаешь, что она говорила мне — слово в слово? — спросил Виталий Николаевич. — Именно поэтому мать категорически не хотела ехать ко мне жить. И мне жизнь портить не хотела, да и себе усложнять не желала. Характер у нее в меня...

— У тебя в нее, — поправила Яна.



Юра из комиссии

— Мама всегда обожала морские курорты, поэтому и выбрала пансионат именно там. Москву, если честно, не любила. Пансионат дорогой, хороший. И ты не думай, что я этому не сопротивлялся. Кто бы меня слушал и соглашался бы со мной!.. Мне пришлось включить все свои связи, чтобы устроить ее туда. Я устал выслушивать чуть ли не каждый день стоны и плач о том, что «я умру, и ты останешься один».

— Ты сейчас рассчитывал, что я тоже пушу слезу? И брошусь убеждать твою маму в обратном? Но я уже, как это...

— Опытная? — предположил Виталий.

— Считаю, что я не слышала этого определения. Я, милый мой, тёртый калач, меня на мякине не проведёшь. Я всегда горой стою за женщин. И если это решение твоей мамы, я принимаю его. Нужно помочь тебе? Я тебе помогу. Что уж тут поделаешь... Хотя всё это как-то неприятно, и ты, конечно, полный паразит. Ведь мог бы познакомить маму с женщиной, которая тебя любит многие годы, верна тебе...

— Ты, как всегда, имеешь в виду свою подругу Асю? — усмехнулся Виталий Николаевич.

Яна с Асей дружили всю жизнь — с детского сада. Интересно, что Ася Юрьевна была полной противоположностью Яны, как внешне, так и внутренне, но дружба с годами только крепла. У Аси было несколько неудачных замужеств, она воспитывала двух дочек. Одна была приёмной. Но никто об этом не знал. Она взяла ребёнка из роддома чуть ли не через неделю по-



сле рождения и растила девчонок, не делая никаких различий. Ася была адвокатом, и весьма успешным. Только одна существенная проблема омрачала ее жизнь. Она давно любила Виталия Николаевича, но любовь была безответной. Она даже Яне — своей лучшей подруге — не могла в этом признаться очень долго. А когда та сама догадалась, Ася сказала:

— Что толку? Он же всю жизнь сохнет по тебе.

Так невольно Яна стала участницей этого очень даже неприятного для нее любовного треугольника, в котором страдали два ее близких человека, а она не могла никому из них помочь.

— А что ты имеешь против Аси? — фыркнула Цветкова. — Ты бы был для нее идеальной половинкой.

— Я половинкой быть не хочу, хочу быть цельной личностью. И пудрить мозги твоей подруге тоже не собираюсь. Мы попробовали быть вместе. Нам было хорошо, но дальше ничего не происходит, потому что я ее не люблю, — ответил ей Виталий Николаевич довольно резко.

Так каждый раз разговор превращался в разговор ни о чем.

Яна очень долго и мучительно шла к своему личному счастью. Ей было уже далеко за... когда она подумала, что, видимо, не способна никого полюбить по-настоящему, принести кому-то счастье. Она влюблялась, уходила от своих мужчин, разрушая их жизни. Невольно, но разрушая. Даже старалась больше не заводить ни с кем серьезных отношений, чтобы никто



к ней больше не привязывался и не питал никаких надежд и прочих иллюзий.

Но жизнь приготовила ей сюрприз. Она встретила любовь. И жизнь Яны разделилась на до и после. С годами Яна поняла, что, оказывается, способна быть верной, терпеливой. Хотя нет, не с годами, а со встречи с Мартином Романовичем Вейкиным. Он развеял ее опасения, что с ней что-то не так, раскрасив ее жизнь всеми цветами радуги и наполнив сердце Яны очень сильными чувствами. Она словно ждала его всю жизнь и дождалась. Они до сих пор не дошли до загса, но жить друг без друга уже не могли. Впрочем, Цветкова не изменяла себе и даже успевала очень сильно трепать любимому нервы. Любя...

— Ну, так что? — вырвал Яну из сладкого омута ее мыслей Виталий Николаевич, а точнее сказать, вернул с небес на землю.

— Мне не привыкать общаться с дамами почтенного возраста со сложным характером, — ответила она. — Взять хотя бы мою маму, Валентину Петровну! Сколько я выслушала истерик, мол, как ей, бедной, тяжело и как она сногшибательно должна выглядеть в свои пятьдесят, чтобы бегать по сцене в красной шапочке и с корзинкой пирожков для бабушки. А моя несостоявшаяся свекровь Стефания Сергеевна — ого-го! Она считает сына пупом Земли! Конечно, не обосновательно. Мартин — идеал. Но найти с ней общий язык, когда ты сама далека от идеала, было тоже сложновато. Мягко выражаясь...



Так что ты меня своей мамой не испугаешь. Я готова к встрече с ней и легко докажу, что ты вполне будешь счастлив со мной после ее кончины. Мне, Виталий, это будет нелегко. Нужно ведь как-то объяснить мое отсутствие Мартину...

Яна, похоже, уже задумалась о деталях.

— Он меня явно недолюбливает.

— Да ты что? — притворно удивилась Яна. — Может, из-за того, что ты уже организовал свадьбу со мной?

— С которой он тебя и украл, — напомнил он.

— Вообще-то, Мартин очень ревнивый, — согласилась Яна.

— А ты ревнивая? — спросил Виталий, с привычным интересом рассматривая свою любимую блондинку.

— Я? Всегда думала, что нет. Но когда я вижу какую-то женщину рядом с Мартином, то мозг у меня отключается. Просто вот черная пелена. Сердцебиение, давление, перебои с дыханием. Да, похоже, я ревнивая. Влюблена как кошка.

— Говорят, что ревнуют, когда боятся потерять. Когда не доверяют партнеру, — подливал масла в огонь Виталий Николаевич. — Или когда сами себе позволяют на стороне... Судят по себе.

— Я Мартину не изменю, даже не надеюсь. А вообще, я бы на твоём месте замолчала. А то ещё передумаю!.. — сказала Яна, и в голосе ее прозвучала угроза.

— Всё! Молчу! Самолет? — спросил следователь. — Шучу! Билеты на поезд.

